

раго есть темныя стороны, слабости, пятна“. Дѣло въ томъ, что Бэконъ былъ канцлеромъ королевства, и пятно, лежавшее на немъ, заключалось во взяточничествѣ. Поэтому-то автору характеристики кричали: „давайте намъ образцы, достойные подражанія, а историческую истину въ ея полнотѣ оставьте у себя—мы въ ней не нуждаемся“.

Переходимъ теперь къ болѣе принципиальному разногласію между историками, на которомъ слѣдуетъ внимательно остановиться, такъ какъ оно касается чрезвычайно важнаго и теперь стоящаго на очереди вопроса объ отношеніяхъ исторіи къ естествознанію. Оба историка были согласны между собою въ томъ, что надъ всѣми другими соображеніями и потребностями, надъ художественностью формы и прагматической пользой, долженъ преобладать въ историографіи *научный* элементъ. Но гдѣ искать этого научнаго элемента?

Мы знаемъ изъ біографіи Грановскаго, что еще въ Германіи идеи Риттера положили основное начало для его воззрѣній на отношенія природы и человѣка въ его исторической жизни ¹⁾. Нѣсколько замѣчательныхъ изслѣдованій естествоиспытателей Эдвардса и Бэра, которыя своими результатами глубоко вѣзъывались въ область исторіи, укрѣпили въ Грановскомъ увѣренность въ первостепенномъ значеніи естествознанія для дальнѣйшихъ успѣховъ исторіи, какъ науки. Его университетская рѣчь была выраженіемъ этого его заветнаго убѣжденія. Въ ней живо чувствуется, съ какою пылкой вѣрой онъ искалъ въ естественныхъ наукахъ избавленія отъ утомительнаго однообразія историческихъ „компендіумовъ“ и отъ произвольныхъ логическихъ построеній со стороны философовъ исторіи. При чрезвычайной сжатости *рѣчи* и при нѣкоторой восторженности тона, вытекавшей изъ обстановки и внушаемой идеальною перспективой великаго будущаго науки, Грановскій долженъ былъ выставить очень рельефно значеніе новаго научнаго метода, который, по его мысли, исторія могла заимствовать у естествознанія. Примѣняя къ своей наукѣ слова Кетле о статистикѣ, Грановскій, напр., говорилъ о времени, когда исторія займетъ мѣсто въ ряду *опытныхъ наукъ*. Но изъ-за горячихъ привѣтствій на праздникъ науки не слѣдуетъ забывать истинной мысли Грановскаго, заключающейся въ рѣчи. Намъ кажется, что рѣшающее мѣсто въ рѣчи слѣдующее: „У исторіи двѣ стороны: въ одной является намъ свободное творчество духа человѣческаго, въ другой—независимыя отъ него, данныя приро-

¹⁾ А. Станкевичъ, „Т. Н. Грановскій“, стр. 72.